

Тан Буфань оцепенел. Мысли путались, словно перегруженный процессор, а мгновение спустя сердце отчаянно, гулко заколотилось в груди.

Он знал, конечно, что в этом новом мире мужчины его типа способны вынашивать детей. И когда он решил связать жизнь с Лу И, то постепенно примирился со своей пассивной ролью. И все же Тан Буфань никак не ожидал, что это случится так скоро.

— Как же так... — Тан Буфань сидел на постели, потрясенно прижимая ладонь к губам. Ни восторга, ни радости он не ощутил — лишь краска медленно сбежала с его лица, оставив смертельную бледность.

Глядя на него, Андерсон слегка нахмурился:

— Вы что, совсем не предохранялись?

— Мы были очень осторожны! — Тан Буфань никак не мог успокоиться. — Лу И ведь даже не кончал в меня.

Андерсон уже собирался расспросить его подробнее, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату торопливо вошел Лу И.

— Учитель! — Лу И тяжело дышал, явно бежал всю дорогу. Заметив Тан Буфана на кровати, он заметно расслабился.

— Разве ты не должен быть на совете? — удивленно спросил Андерсон.

— Братец Кай передал, что Учитель пришел в себя. Я бросил все и ушел посреди заседания, — объяснил Лу И.

Он встретился взглядом с Тан Буфанем и по его растерянному лицу сразу понял: доктор Цзян уже обо всем рассказал.

— Оставьте нас, пожалуйста. Нам нужно поговорить наедине, — попросил Лу И, покосившись на Андерсона и доктора Цзяня.

— Конечно, — доктор Цзян уже укладывал инструменты в свой чемоданчик.

Андерсон неторопливо направился к выходу, но, проходя мимо Лу И, смерил его крайне недовольным взглядом.

— Я же давал тебе презервативы, — упрекнул он племянника вполголоса.

Лу И смутился, в его золотисто-зеленых звериных глазах промелькнуло замешательство.

— Они слишком малы. Рассчитаны на мерки прежних людей.

Андерсон на секунду опешил, затем раздраженно цыкнул и вышел за дверь.

Следом за ним комнату покинул и доктор Цзян. Дверь тихо скользнула в пазы, отсекая внешние звуки. В просторной полукруглой спальне, обставленной по последнему слову техники будущего, воцарилась глубокая тишина.

Тан Буфань словно только сейчас опомнился. Он медленно опустил ладонь на живот. Разум понемногу прояснялся, но лицо его по-прежнему оставалось бледным.

Лу И молча подошел к кровати, сел на край и бережно коснулся ладонью его прохладной щеки.

— Какой срок? — тихо спросил Тан Буфань, пытаясь сопоставить даты.

— Около двух недель, — так же тихо ответил Лу И. — Я прикинул... Похоже, все случилось той ночью, когда мы оставались во Внутреннем чертоге Тайшаня.

Он помедлил. Звериные зрачки скользнули по лицу Тан Буфаня, в глубине золотисто-зеленых глаз заплясали лукавые искры:

— Помнишь, Учитель, как ты после всего лежал на животе, приподняв бедра? Говорят, эта поза очень способствует зачатию...

Тан Буфань ошеломленно моргнул. Воспоминание яркой вспышкой озарило сознание, и его щеки мгновенно вспыхнули густым румянцем. Он поспешил оправдаться:

— Да у меня просто живот разболелся от твоих стараний! К тому же я мужчина, откуда мне знать про позы для зачатия? Все это... все это безумие какое-то.

Чем дальше, тем сильнее он путался в словах. Лу И мягко обхватил его лицо ладонями, заставляя смотреть на себя:

— Учитель, не паникуй. Я рядом.

Почувствовав тепло широких ладоней, Тан Буфань заставил себя глубоко вздохнуть и успокоиться. Он взгляделся в лицо Лу И. Сегодня юноша был в строгом парадном мундире, длинные золотистые кудри аккуратно перехвачены лентой на затылке. В этом облике сквозила непривычная солидность, но лицо все равно оставалось юным. Ему ведь исполнилось всего

восемнадцать.

"Мне нельзя поддаваться панике, — Тан Буфань сделал еще один глубокий вдох. — Ведь я старше"

Убедившись, что дыхание любимого выровнялось, Лу И убрал одну руку, но вторую оставил на его щеке.

— Доктор Цзян предупредил: без контрацепции всегда есть риск. Даже если не кончать внутрь, выделяется немного предсеменной жидкости... Прости меня.

Тан Буфань и не думал его винить. Наоборот, той ночью во Внутреннем чертоге он сам проявил инициативу. Опустив взгляд на свой живот, он задумался. Нужно было трезво оценить ситуацию.

— На банкете я пил алкоголь, а потом меня еще и усыпили каким-то препаратом, — Тан Буфань озабоченно нахмурился и с тревогой посмотрел на Лу И. — Этот ребенок... его вообще можно оставить? С ним все будет в порядке?

— Придется делать генетическую экспертизу, — ответил Лу И. — У зверолодей и без того высокий процент врожденных мутаций, а наш союз человека и зверя дает крайне нестабильный генетический коктейль. Но прежде чем говорить о здоровье плода...

Лу И заглянул ему прямо в глаза:

— Скажи, Учитель, ты сам хочешь этого ребенка?

Тан Буфань на мгновение задумался, но очень быстро его взгляд наполнился твердостью:

— Хочу!

В глазах Лу И вспыхнул радостный огонек. Он ожидал долгих колебаний, думал, что Учитель переложит выбор на него или согласится из слепой уступчивости. Такая решимость стала для юноши полной неожиданностью.

Тан Буфань ласково посмотрел на молодого зверолода и заговорил — тихо, делясь наболевшим:

— У меня ведь больше никого нет, Лу И. С тех пор как ушли дедушка и мама, я безумно завидовал тем, кто собирается всей семьей по праздникам. Проводить Праздник весны в абсолютном одиночестве — это так тоскливо. Порой становилось настолько одиноко, что от одного звука взрывающихся на улице петард слезы сами катились из глаз.

Он плакал так не один год. И пусть профессор из жалости приглашал его к себе на праздничный ужин, Тан Буфань все равно чувствовал себя чужаком среди чужих родственников. Особенной пыткой были расспросы праздных тетушек и дядей: «А это чей мальчик?», после чего профессору приходилось пускаться в долгие неловкие объяснения.

Глаза Тан Буфаня подозрительно заблестели, но он тепло улыбнулся:

— Я хочу, чтобы у нас была настоящая семья, Лу И.

Эти слова отозвались в сердце Лу И щемящей нежностью. Он осторожно очертил пальцами скулу Тан Буфаня, коснулся уголков его глаз и ласково улыбнулся в ответ:

— Хорошо. Мы обязательно его вырастим.

Приняв решение, Тан Буфань окончательно успокоился. Он поднялся с постели и отправился в ванную умыться, а Лу И тем временем открыл на терминале страницу официальной регистрации браков.

На календаре значилось уже двадцать первое мая. Вообще-то они планировали зарегистрировать отношения вчера, но из-за грязной выходки Юй Ши все планы полетели кувырком. Из-за этого они упустили красивую дату — двадцатое мая, которая на их родине считалась неофициальным Днем всех влюбленных из-за созвучия цифр пять-два-ноль с фразой «я люблю тебя».

Лу И до сих пор злился. Он придавал этой дате особое значение: ведь именно цифры пять-два-ноль послужили шифром, чтобы снять ошейник с Тан Буфаня. И вот все упущено. Ждать еще целый год у него просто не хватило бы терпения.

Впрочем, сам Тан Буфань относился к этому проще. Стоя перед зеркалом в ванной с зубной щеткой во рту, он задумчиво поглаживал живот свободной рукой и крикнул через приоткрытую дверь:

— Двадцать первое мая тоже отличный день. Пять-два-один созвучно с «я согласен» и «я люблю тебя».

— Серьезно? — Лу И заметно повеселел. Он тут же вбил запрос в сеть и убедился, что в древних традициях Хуася сочетание «пять-два-один» действительно символизировало признание в любви и согласие связать судьбы. На его щеках наконец проступил здоровый румянец.

Когда Тан Буфань закончил умыться, Лу И заботливо помог ему одеться. Учитель выбрал строгий классический костюм, идеально сочетавшийся с парадным мундиром Лу И — они собирались сделать снимок для свидетельства о браке.

— Давай снимем на улице? — предложил Лу И. Ему не хотелось делать главный кадр их жизни наспех в четырех стенах. Да, апартаменты были роскошными, а из панорамного окна открывался захватывающий вид на величественные стены и кварталы Города Тай, но юноша мечтал о чем-то более уединенном.

Ему не нужны были пафосные постройки, фальшивые фонтаны или охапки срезанных цветов. Он хотел, чтобы их двоих обнимали вечные горы или бескрайнее море.

— Хорошо, давай, — мягко улыбнулся Тан Буфань. Он охотно уступил капризу любимого.

Лу И бережно перехватил его ладонь и медленно повел к выходу.

Физически Тан Буфань чувствовал себя прекрасно, но известие о зародившейся жизни заставляло инстинктивно беречься. Он и сам ловил себя на том, что двигается плавнее, аккуратнее опускается на постель и осторожнее натягивает рукава рубашки.

Хотя беременность при мужском теле до сих пор казалась ему чем-то фантастическим, приняв этот факт, Тан Буфань сразу же начал тревожиться за здоровье малыша.

— Когда можно будет сделать генетический тест? — спросил Тан Буфань, заходя вместе с ним в лифт. Он не знал, куда именно его ведет Лу И, да и не спрашивал — просто шел следом, полностью ему доверяя.

— Доктор Цзян сказал, нужно дождаться десятой недели, — вздохнул Лу И. На его лицо тоже набежала тень тревоги.

— Значит, ждать еще больше двух месяцев... — Тан Буфань невольно вспомнил старшего брата Лу И — Лудера. Он слышал, что у того из-за дефекта генов развились приступы неконтролируемой агрессии. — Болезнь твоего брата... она передается по наследству?

— Нет, это случайная мутация, — Лу И крепче сжал его пальцы. — Когда Мать вынашивала Лудера, она сильно повздорила с Отцом и наотрез отказалась проходить пренатальные скрининги. А когда забеременела мной, ей уже самой стало страшно, и она послушно сдавала все анализы...

Лу И умолк на секунду и опустил ресницы:

— В детстве брат часто бил меня. Он плакал от бессилия и твердил, какой я везучий.

Тан Буфань замер. Он смотрел на мелькающие цифры этажей на табло лифта, а затем с болью спросил:

— Сильно бил?

— Не особо. Я уворачивался, а иногда специально пропускал удары, чтобы ему стало легче, — поделился воспоминаниями Лу И. — Если он заходил слишком далеко, слуги скручивали его и силой вкалывали успокоительное. Я ненавидел эти шприцы. Мне было невыносимо смотреть, как бесчувственное тело брата волокут по коридору.

Тан Буфань слушал его с тяжелым сердцем. Ему было страшно даже представить, в какой атмосфере рос его возлюбленный.

Заметив, как погрузился Учитель, Лу И спохватился, что сболтнул лишнего, и поспешил исправиться:

— Но со мной всегда был Андерсон. Он поддерживал меня и отлично понимал, что я просто подыгрываю брату, делясь с ним этой «игрой».

Мысль о том, что в детстве Лу И окружали не только безумие и жестокость, но и забота Андерсона, немного утешила Тан Буфаня. Он краем уха слышал, что когда-то Андерсон был образцом благородства и мягкости, хотя сейчас превратился в отъявленного раздолбая.

Лифт тихо звякнул, извещая о прибытии на нужный уровень. Створки разъехались. Лу И увлек Тан Буфаня за собой по длинному коридору. Глядя на его широкую, надежную спину, Тан Буфань негромко, но твердо произнес:

— Лу И. Если анализы покажут дефект... я сделаю аборт.

Он знал, что на Западе многие до сих пор верят, будто дети — это священный дар небес, и сохраняют беременность вопреки любым медицинским показаниям. Но Тан Буфань рассуждал трезво. Обречать ребенка на пожизненные мучения из эгоизма он не собирался.

Лу И резко замер. Его взгляд потемнел. Обернувшись, он снова тихо произнес:

— Прости меня.

Юноша искренне считал себя виноватым во всем. Он не должен был укладывать Учителя в постель, зная, что у них нет защиты нужного размера.

Но Тан Буфань терпеть не мог эти упаднические извинения. Высвободив ладонь, он легонько шлепнул Лу И по спине.

Получив мягкий шлепок, Лу И тут же с виноватым и преданным видом прильнул к нему, хотя удар, разумеется, не причинил ему ни малейшей боли.

Они вышли в колоссальный по размерам ангар. Здесь ровными рядами стояли десятки малых летательных аппаратов, штурмовиков и тяжелых бронемашин — база явно находилась в полной боевой готовности.

Отряды Западной Федерации прибыли сюда не только ради доставки гуманитарных грузов для Восточной Федерации. Их негласной миссией был сбор сведений об активности Перезагрузчиков.

Вспомнив, что Лу И сбежал со стратегического совещания, Тан Буфань обеспокоенно спросил:

— Ничего, что ты ушел? Тебе не влетит за это на совете?

— Ерунда. Там остались Брен и Сирис, они позже введут меня в курс дела, — отмахнулся Лу И.

Сейчас, пока жители Подземного города Восточного округа находились на базе, Перезагрузчики не решились бы на нападение, опасаясь задеть мирное население. Но как только эвакуация завершится, они наверняка перейдут к активным действиям. От этой мысли на душе у Лу И стало скверно.

— Учитель, я хочу отправить тебя в Западную Федерацию, к себе домой, — Лу И обернулся к Тан Буфаню, шедшему чуть позади. В золотисто-зеленых глазах сквозила предельная серьезность. — Оставаться здесь слишком опасно.

На Западе пока сохранялось относительное спокойствие — лишь на далеких окраинах изредка фиксировали прорывы мутировавших toxic-людей.

Тан Буфань на секунду замер. Вглядевшись в тревожное лицо возлюбленного, он тихо вздохнул после недолгой паузы:

— Сначала сделаем снимок для документов. А все остальное... решим потом.

Он прекрасно осознавал свое положение, но бежать в тыл в столь критический момент не желал. К тому же Тан Буфань понимал: даже если Лу И отвезет его в безопасность, сам он непременно вернется в самое пекло. И перспектива остаться одному, медленно тяжелеть от беременности и сходить с ума от тревоги в ожидании вестей с фронта... Эта мысль пугала его до дрожи. Ему было невыносимо думать и о растущем животе, и о долгой разлуке.

Заметив, как поник Учитель, Лу И ласково взъерошил его волосы и нежно поцеловал в макушку, пытаясь утешить.